



Б.Р. Стриганова

Замосковский
Арбатской
Старухи

Белла Рафаиловна Стриганова

Записки арбатской старухи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39285449

Записки арбатской старухи: Товарищество научных изданий КМК;

Москва; 2018

ISBN 978-5-6040493-3-4

Аннотация

Эта книга посвящается памяти Беллы Рафаиловны Стригановой – выдающегося ученого-биолога и замечательного человека. Она включает неопубликованные воспоминания самой Беллы Рафаиловны («Записки арбатской старухи», «Как это начиналось») и воспоминания ее матери, Александры Романовны («Очерки о былом»), об их жизненном пути и жизни семьи Стригановых на протяжении всего XX века. Научные достижения А. Р. Стригановой и Б. Р. Стригановой, увенчавшие десятилетия их плодотворного труда в стенах Института проблем экологии и эволюции, вошли в золотой фонд российской академической науки. Пусть их воспоминания откроют еще одну страницу истории российской научной интеллигенции в летописи недавнего прошлого нашей страны.

Содержание

Вместо предисловия	5
Записки арбатской старухи	14
Вступление	15
Малая родина	18
Моя семья	20
Моя мама	22
Мой папа	31
Моя няня	39
Детство	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Белла Стриганова

Записки арбатской старухи

© Б. Р. Стриганова (наследники), 2018.

© ИПЭЭ РАН, 2018.

© ООО «КМК», 2018.

Вместо предисловия

Мне приятно, что, благодаря дружеской поддержке коллег моей двоюродной сестры Беллы Рафаиловны Стригановой по работе в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, наконец появилась возможность издать ее мемуары, которые сама сестра называла «Записками арбатской старухи».

Эти воспоминания Белла начала писать по настоянию близких несколько лет назад и в основном завершила в 2015 году, когда все еще продолжала работать в родном институте и мужественно бороться с преследовавшими ее в последние годы болезнями и недомоганиями. Белла жила одна в своей квартире и о проблемах со здоровьем без необходимости не любила говорить, подробно излагая их только для себя в своем дневнике, который вела на протяжении многих лет и о котором мне лично стало известно лишь после ее смерти в 2017 году.

До самого последнего момента Беллочка старалась вести активный образ жизни: ходила по абонементу в консерваторию и на другие концерты классической музыки, посещала театральные спектакли и наиболее значимые художественные выставки, много читала.

Белла часто общалась со своими родными и близкими, особенно с двоюродными братьями и сестрами, племянни-

ками и другими представителями подрастающего поколения семьи Стригановых, выступая в роли своеобразного скрепа нашего большого семейства. В этом плане она много хорошего унаследовала от своей мамы Стригановой Александры Романовны, которая также была старшей по возрасту в своем поколении и заботилась о своих младших братьях и их семьях. (Неоконченные воспоминания мамы Беллы Рафаиловны, содержащие много интересных фактов и наблюдений о жизни в прошлом, приводятся в приложении к данной книге в виде «Очерков о былом»).

В нашей дружной и многочисленной семье для отдельных родственников было своеобразной традицией вести дневниковые записи и отображать в них происходившие в соответствующий период события у нас в стране, в доме или в душе конкретного человека. Я не знаю, с кого это точно началось, но мне по крайней мере известно, что такие дневники вели Беллин и мой дедушка Роман (они посвящены первой мировой войне), дядя Аркаша (в виде отдельных воспоминаний), тетя Шура, мои родители и сама Белла. К сожалению, некоторые дневники были случайно или сознательно уничтожены, но отдельные из них сохранились и послужили в ряде случаев основой для написания воспоминаний в нашей семье. К ним относятся не только публикуемые здесь материалы, но и выпущенная 10 лет назад книга моего отца Алексея Романовича Стриганова «Из воспоминаний о прожитой жизни», которую удалось издать при содействии мое-

го старшего сына Алексея. В этой книге, благодаря усилиям моего брата Виктора, впервые было помещено и генеалогическое (родословное) древо нашей семьи, начиная с середины 19 века. Надеюсь, что эта традиция отображать летопись нашей семьи и делиться воспоминаниями продолжится и в дальнейшем с помощью представителей более молодого поколения.

Полученные от родителей, духовных наставников по жизни (таких, как О. Н. Склифосовская-Яковлева и Н. Г. Фесенкова), научных руководителей (М. Л. Бельговского, М. С. Гилярова и К. В. Арнольди) знания в различных областях способствовали формированию моей сестры Беллы как творческой, самостоятельно мыслящей личности.

Насколько я могу судить по известным мне фактам и отзывам коллег Беллы, она была авторитетным ученым в своей области, занимаясь вопросами энтомологии, почвенной зоологии, экологии горных сообществ и другими смежными научными проблемами. Пойдя по стопам своей мамы, известного биолога и физиолога, ставшей в 1952 году лауреатом Сталинской премии и долгие годы проработавшей в Институте эволюционной морфологии АН СССР, Белла начала свою научную карьеру в этом же институте и стала там заведующей лабораторией, профессором и доктором биологических наук в своей сфере научной деятельности. Много ездила в различные командировки и научные экспедиции по нашей стране, забираясь в самые дальние уголки от Кушки

до мыса Челюскина и на высокие горные вершины Кавказа, Средней Азии и Сибири, а также за рубежом. В последние годы Белла активно занималась работой по привлечению грантов и международных фондов для финансирования перспективных отечественных и международных проектов и разработок своей лаборатории и всего института. В мае 2008 года она была избрана членом-корреспондентом Российской Академии Наук.

Беллочка запомнится мне мобильным, сильным, красивым, равнодушным и гармонично развитым человеком с широким кругом интересов. С ней можно было вести откровенную и содержательную беседу по любым вопросам. Она, даже при плохом самочувствии, живо интересовалась событиями, происходящими у нас в стране и за рубежом, и откровенно, порой даже несколько категорично, высказывала по ним свое мнение, но умела и слушать своего собеседника.

О гражданской позиции сестры свидетельствуют и ее дневниковые записи, где есть много интересных мыслей и суждений философского порядка по различным аспектам нашей жизни. Например, размышляя о преимуществах использования интернета для решения конкретных повседневных проблем, она выражала опасение, что «цивилизация и технический прогресс могут привести к тому, что человек будет все больше брать на себя функции по самообслуживанию, забывая тренировать свою память и сужая время и свободу для размышлений. Он может в конечном итоге пре-

вернуться к работе технического прогресса, выполняющего массу заранее заданных технических обязанностей, чтобы пользоваться тем, что уже есть». Вспоминая о своих беседах с некоторыми своими знакомыми из числа ровесников, Белла удивлялась тому, что «они, как правило, зафиксированы только на рассказах о волнующих их проблемах и не пытаются узнать новости и то, что происходит за стенами их дома». Убеждаясь в том, что «старость играет в свои игры с психологией людей», Белла сама опасалась слишком углубляться в свои проблемы и призывала себя больше обращать внимание на других людей.

На мой взгляд, интересны высказывания сестры и о некоторых деятелях нашей культуры. Прочитав и положительно оценив воспоминания известного советского актера В. Зельдина, Белла отмечала «умеренность» его взглядов на нашу жизнь, которая во многом определялась «счастливой судьбой актера без особых взлетов и потрясений», его мудрость в том, чтобы «не стремиться к взлетам и не переживать, если их нет», и способность ценить старшее поколение, когда он еще был молодым актером... Посмотрев как-то по телевизору документальный фильм про поэта Бродского, которому исполнилось 75 лет, Белла заметила, что его поэзия еще не пришла к читателю и он трудно воспринимается, поскольку «писал там, а не тут». Назвав его Пушкиным XX века и еще одним выразителем русской души, она тем не менее добавила, что, «в отличие от Пушкина, который старался быть как

все и которому кружило голову дворянство предков, Бродский позволял себе оставаться самим собой и не пытался быть оригинальным, осознавая свое еврейское происхождение».

Незадолго до смерти, у Беллы Рафаиловны, помимо научных интересов, было еще много жизненных планов и идей, в том числе решить неотложные служебные вопросы, сделать еще один ремонт в квартире и подготовиться к предстоящему восьмидесятипятилетнему юбилею. Однако этим планам не удалось осуществиться. Белла, почувствовав себя плохо, в середине февраля 2017 года вновь попала в больницу, где и скончалась 6 марта. Ее прах покоится в той же родственной могиле на Даниловском кладбище в Москве, где похоронены и ее мама Александра Романовна, наш дедушка Роман и мои родители.

Светлая память о Белле Рафаиловне Стригановой навсегда сохранится в памяти ее родных и близких.

Андрей Стриганов

Москва, ноябрь 2017 года

* * *

Научная жизнь и труды Беллы Рафаиловны Стригановой – выдающегося ученого-биолога и деятеля науки, главы научной школы и хранителя традиций российской почвенной

зоологии, завещанных ее учителем, академиком М. С. Гиляровым, – хорошо известны ее коллегам и ученикам. Но ее личные переживания, мироощущение, сокровенная работа души, глубокие размышления о людях и событиях были знакомы лишь близким друзьям. К счастью, Белла Рафаиловна вела дневники, и на закате жизни, опираясь на них и на свою изумительную память, решила оставить воспоминания о пройденном пути, о семье, стране, своих путешествиях, учителях, друзьях и работе. Эти воспоминания открывают перед читателем одиссею еще одной семьи российских интеллигентов и талантливого человека, тесно переплетенную с судьбами родной Ойкумены в бурном и суровом XX веке.

Круг интересов Беллы Рафаиловны был чрезвычайно широк, от высокой науки до повседневных событий в стране и мире. С раннего детства она жила в окружении книг; чтение и воображение, «переживание» прочитанного, ошеломляющие откровения поэзии вошли в ее душу навсегда. Рано пришли и обостренное чувство музыки, театр и интерес к изобразительному искусству. Зачатками этого «культурного воспитания» она обязана влиянию родителей, каждый из которых был яркой личностью, но главное на этом пути она постигала и развивала сама. В мемуарах раскрывается и еще одна сторона ее дарований – незаурядные способности литератора, умеющего выстроить композицию повествования, оттенить нюансы характеров окружающих людей и собствен-

ных чувств, найти точный образ, передать аромат любимых стихов. Но, возможно, главным достижением ее духовного мира являлся неподдельный, непреходящий интерес к людям, их деятельности и судьбе, память о которых (как показывают ее записки) она хранила всю жизнь. Белла Рафаиловна знала сотни, если не тысячи людей и, несмотря на занятость, не жалела времени на беседы и дискуссии на любые темы. Общение с ней всегда обогащало. Все это делало уникальную личность Беллы Рафаиловны центром притяжения, создавало ореол мудреца-«гуру» для широкого круга лиц в нашем Институте, в Москве и во всей стране.

«Очерки о былом» Александры Романовны Стригановой, мамы Беллы Рафаиловны, также известного ученого и глубокого человека, охватывают четверть века от 1900-х до конца 1920-х гг. и посвящены в основном истории семьи и воспоминаниям ее детских и юношеских лет. «Записки Арбатской старухи» перенимают эстафету от 1930-х гг. и повествуют о дальнейшей судьбе мамы, о драматической биографии отца, Рафаила Исааковича Белкина, талантливого физиолога и медика, о становлении и «этапах большого пути» российского ученого советского поколения – Беллы Рафаиловны Стригановой: арбатское детство, война и эвакуация, годы послевоенной учебы, распределение на Сахалин, обретение Учителя и своего научного пути, «оттепель» и выход «на мировую арену», расцвет научной школы, смута и конец века. И конечно, писала все это не «старуха»: так свежо,

молодо звучит речь, точны детали, неподдельны интонации юмора и печали. Читать «Записки» лучше не подряд, но отвлекаясь от основного повествования на Приложения, задуманные автором как вставные рассказы в романе (ссылки отмечены в соответствующих местах). Разобраться в сложных и разветвленных родственных связях семейства поможет родословное Древо. Уверен, что последний труд профессора Стригановой вызовет столь же высокий интерес читателей, как и переиздание ее научных трудов.¹

А. В. Уваров

Лаборатория почвенной зоологии

Институт проблем экологии и эволюции РАН

Редакторы сердечно признательны М. И. Шатуновскому за помощь при подготовке текста, дирекции Института проблем экологии и эволюции РАН за организационную и материальную поддержку издания, М. А. Кирюшкину за тщательную издательскую работу, а также родственникам, друзьям и коллегам Б. Р. Стригановой, участвовавшим в подборе и комментировании фотографий.

¹ Том важнейших научных работ Б. Р. Стригановой «Избранные труды» издан в 2018 г. издательством КМК.

Записки арбатской старухи



Вступление

Мои родные уже давно просили меня написать воспоминания о семье. Я – самая старшая в своем поколении и так сложилось, что, пожалуй, больше других помню мелкие подробности о семейном прошлом, тем более, что моя мама – тоже была старшая, и наш старый Арбатский дом долгое время был средоточием семейных сборов и обсуждений больших и малых событий. Но мои воспоминания о семейных делах, которых я была свидетелем, либо слышала рассказы о них (либо подслушивала разговоры взрослых) – это, скорее, разрозненные осколки истории семьи, лишь добавляющие детали к тому, что уже написано мамой и дядьями. Поэтому мне трудно взяться за перо, чтобы рискнуть составить полную картину семьи Стригановых.

Между тем, в мои 80 с лишком лет у меня накопилась своя собственная история жизни, которую хочется осмыслить и написать, прежде всего для себя. Я прожила 2/3 двадцатого века и «заехала» в следующий век, уже не мой. Сейчас мне уже не с кем обсуждать прошлые события, ушли все мои ровесники. Некому позвонить по телефону и спросить: «А помнишь...» и услышать в ответ: «Конечно, это ведь случилось, когда мы с тобой...». Теперь можно беседовать только с бумагой.

Я не буду писать мемуары. В наше время кто только их не

пишет! Чаще всего они скучны или даже раздражают. Мемуары интересны у людей неординарных, выдающихся своими талантами или деяниями, далее злыми; интересны их суждения о жизни и современниках. А также у людей, которые прожили жизнь необычную, полную событий, далее тяжелых, прошедших через многие испытания и сохранивших способность к анализу и самооценке. Из их записок узнаешь много деталей жизни прошлого и получаешь уроки мудрости или глупости. Я не отношусь ни к одной из этих групп и буду писать записки без всякого хронологического или логического порядка. О том, о чем хочется вспомнить, а поговорить не с кем.

Позволю себе назваться арбатской старухой. Это словосочетание впервые было произнесено в Московской Консерватории, где на концертах собирались обломки старой московской интеллигенции. Так уж сложилось, что Арбат, в отличие от других районов города, долго сохранял свое старое население, сжатое в коммуналках старых домов, вплоть до строительства Калининского проспекта – «вставной челюсти Москвы».

Арбатские старухи умели сохранять прямую спину в мягких креслах и выносить прямое суждение о жизни и искусстве. Сохранив блестящую память, они умели четко разъяснить прохожему, как пройти, называя переулки старыми именами, поставить на место зарвавшуюся продавщицу в магазине и рассказать подросткам историю тех пустырей, где

они гоняют мяч.

В их домах хранились книги поэтов Серебряного века, которые раньше можно было читать, но только не вынося из дома (запрещенные). А в их памяти хранилась великая культура конца XIX века, которую они сумели передать следующему поколению. А это поколение теперь уже тоже почти ушло. Я еще вернусь к этим старухам, а сейчас только замечу, что для меня Арбат – не только география моих первых 30 лет жизни, но и мировоззрение, завещанное мне старухами прошлого поколения.

В калейдоскопе осколки складываются в причудливые узоры, и трудно угадать, какой выпадет при следующем повороте трубочки. Так же случается, когда вспоминаешь прошлое: память рисует разные события – мелкие и важные, смешные и грустные, иногда совсем забытые, а иногда и такие, которые бередят душу многие годы. Трудно из них сложить стройную картинку, пусть так и остаются осколками из калейдоскопа жизни.

Малая родина

Я родилась 25 марта 1932 года в родильном доме Грауэрмана на Большой Молчановке, в котором появилась на свет половина Москвы. Мама рассказывала, что накануне был необычно сильный снегопад, и они с няней пробирались в роддом по колено в снегу. В роддоме в это время проходила студенческую практику тетя Нюра, которая была уже невестой дяди Аркаши. Она, первая, увидела меня, пришла к маме и представилась. Так они познакомились у моей «колыбели».

География моей малой родины простиралась от Арбата до Моховой и от Никитского до Гоголевского бульваров. На Гоголевском мы гуляли с мамой за ручку. Для детей там самым привлекательным были львы на столбах вокруг памятника Гоголю. Передние лапы львов были соединены наклонными бронзовыми плоскостями, с которых было удобно скачиваться. Поэтому львы были покрыты благородной патиной, а плоскость между лапами отполирована детскими задками. На Никитский бульвар мы ходили с моей няней Паей с санками, игрушками, мячиками. Там была компания детей из ближних домов, которая распалась, только когда мы пошли в школу.

В те времена на бульваре появлялся лотошник, который продавал поштучно дешевые конфеты, разложенные на лот-

ке. За 3 копейки можно было купить у него одну конфету на выбор. Когда мы, дети, видели его, бежали к взрослым, и, получив 3 копейки, толпились около лотка.

На Арбат мы с Паей ходили за покупками. Мне особенно нравился магазин ТЭЖЭ, где вкусно пахло и продавали детское мыло в форме огурцов и морковок, а также мы часто бывали в рыбном магазине на левой стороне. Там была большая фаянсовая ванна, в которой плавали карпы, а я любила на них смотреть, хотя боялась, вдруг выпрыгнут.

На Воздвиженку мы ходили в кремлевскую поликлинику, к которой папа был прикреплен до 1937 г. В хорошую погоду из поликлиники мы шли дальше, до последнего дома (применная Калинина). Парадная дверь там была застекленная, и через стекло было видно огромное чучело медведя на задних лапах, а в передних он держал серебряный поднос для визитных карточек, оставшийся от старого быта.

Центральное место в этом географическом округе занимал, конечно же, наш дом (Арбатская площадь, дом 2/4, квартира 15). Дом претерпел много событий, исторических и семейных, и заслуживает того, чтобы поподробнее рассказать его историю (*Приложения: «Арбатский дом», «Арбатская площадь»*).

Моя семья

Семья наша (в узком смысле) состояла из четырех человек – мамы, папы, Паи и меня. Но вокруг нас было много близких родных, которые часто приходили к нам и делили наши заботы, огорчения и радости. У дяди Аркаши была уже семья, родилась Галочка, и он привез из Заречья бабушку Наташу с братом Леней [Алексей Романович – см. "Родословное древо", с. 310. – *Ред.*]. Они жили на Сетуни в доме от завода, на котором работал дядя Аркаша. Тетя Нюра [Анна Корнеевна – см. "Родословное древо", с. 310. – *Ред.*] работала в поликлинике, Леня учился в вечерней школе, а бабушка вела хозяйство. Другой мамин брат Сережа был студентом. Он учился на географическом факультете Педагогического института и жил в общежитии. Сережа был очень самостоятельным, занимался спортом, часто появлялся у нас в Арбатском доме и много времени уделял мне. Он любил читать и всегда носил с собой книгу. Наше с ним любимое занятие – чтение вслух, и я готова была слушать любой текст в его исполнении. Папа подсмеивался, когда заставал нас за чтением газеты. Регулярно приходила к нам папина мама – бабушка Маня, которая жила на Смоленской площади. Ее звали посидеть со мной, если Пае нужно было отлучиться. Папа и мама много работали, а по вечерам часто ходили в театры или на концерты. С родителями я встречалась вечерами, и

то не каждый день, а в основном проводила время вдвоем с Паей.

Родители мои разошлись после войны, у каждого из них трудно сложилась судьба. Поэтому я буду писать о них отдельно.

Моя мама

О своем детстве и юности мама написала подробно в своих воспоминаниях, исполненных ностальгии и неясности к своей семье, родной деревне, старому укладу жизни (*Приложение: «Очерки о былом»*). В то же время у мамы звучит нота неудержимого стремления учиться, вырваться из своего маленького мирка к новым горизонтам. Это было веяние времени – нового XX века с отменой старых устоев.

Мама заканчивает свое повествование поступлением в аспирантуру (в 1928 г.) во вновь созданный институт гематологии, где сложилась группа высокообразованных специалистов под руководством проф. А. А. Богомольца,² одного из выдающихся ученых того времени. Мама успешно закончила аспирантуру и получила ученую степень кандидата биологических наук. Когда А. А. Богомолец вместе со своей кафедрой переехал в Киев, мама вышла замуж. Она сохранила со своим учителем добрые отношения и навещала его, когда ей случалось бывать в Киеве. Мама гордилась тем, что она – ученица А. А. Богомольца, и полученные от него основы знаний навсегда оставили след в формировании ее научных интересов.

Когда мама и папа поженились, они получили комнату в

² Александр Александрович Богомолец – человек с необыкновенной судьбой. [См. о нем Примечание 4 в записках А. Р. Стригановой. – *Ред.*]

коммунальной квартире в Останкине. Это был в то время почти «загород». Вскоре мама пригласила Паю жить вместе и вести наше хозяйство. Пая стала членом нашей семьи.

В 1930 г. мама начала работать в лаборатории академика И. П. Разенкова, занимавшегося физиологией и патологией пищеварения. Здесь мама овладела техникой физиологического эксперимента, что помогало в ее дальнейшей работе. Однако, она с неудовольствием вспоминала этот период и своего шефа и с облегчением ушла оттуда, как только собралась производить меня на свет.

Перед моим рождением папа получил квартиру в Арбатском доме, и семья переехала туда. Квартиру обустроивали долго, и я, уже в сознательном возрасте, застала последние этапы наведения уюта. Через 2 месяца после моего рождения папа уехал на 2 года за границу для стажировки в Европейских институтах. Мама и Пая остались одни. В первые два года моей жизни мама увозила меня к бабушке в Заречье на лето. Потом мы начали снимать дачу в Подмосковье.

В 1934 г. мама с помощью отца перешла на работу в Академию Наук. В это время там была создана новая Лаборатория механики развития под руководством крупного ученого с мировым именем – профессора Юлиуса Шакселя. Это был немец, эмигрировавший (при папином участии) из фашистской Германии в СССР. А в Германии до прихода к власти Гитлера Шаксель возглавлял Институт экспериментальной биологии в Иене, где стажировался мой отец. Так два-

жды перекрестились пути моих родителей и Шакселя.

Мама с энтузиазмом начала работать в новой лаборатории, где была ученым секретарем. Она занималась организационными делами и одновременно много работала и публиковалась. На этом благополучном фоне вдруг над маминной головой возникла зловещая угроза: в страшном 1937 г. Шаксель был арестован. Лабораторию ликвидировали, маму вместе с другими сотрудниками перевели в другую лабораторию, а потом уволили. Родители ожидали ареста и сжигали бумаги. Но, благодаря заступничеству немецкого коммуниста Отто Гроттеволя, имевшего доступ к Сталину, Шаксель был освобожден, а его лаборатория со всем штатом восстановлена. Мама работала в этой лаборатории до начала войны. В 1937 г., после освобождения Шакселя, его лаборатория была включена в состав Института эволюционной морфологии АН СССР, в котором мама работала до выхода на пенсию, а потом в этом институте работала я.

Люблю вспоминать маму такой, какой она была до войны – статная, красивая, оживленная, всегда хорошо одетая. Она носила короткую прическу с плоеной завивкой, которая ей очень шла. Когда родители собирались в театр или в Дом ученых, мама надевала нарядное платье, и я любовалась ею, когда она стояла перед зеркалом, поправляя свой туалет.

В нашей семье сложилось так, что мама выражала на словах свои пожелания, а папа с помощью Паи приводил их в исполнение. Это касалось организации таких вещей, как ре-

монт, или переезд на дачу, или перестановка мебели. В то же время папа не умел ничего починить, а мама многое умела, и они с Паей подшучивали над ним. Дело в том, что у папы было плохое зрение, и он даже читал одним глазом.

Когда началась война, в момент эвакуации маминого института я тяжело болела дифтеритом, и мы с мамой не успели уехать с эшелона Академии Наук. Папин институт эвакуировался позже, и папа, который оставался в Москве, устроил нас в эшелон Института эпидемиологии и микробиологии. Институт уезжал в Алма-Ату, где на его базе организовали военизированное предприятие по производству противостолбнячной сыворотки для фронта. Мама была майором медицинской службы и военнообязанной. Работа в этом предприятии спасла маму от мобилизации, а меня – от детского дома. Когда мы приехали на место (маленький поселок Каменское Плато под Алма-Атой), маму охотно взяли на работу и сделали заведующей лабораторией иммунизации лошадей. Противостолбнячную сыворотку готовили из крови совхозных лошадей, которых разводили в тех краях. Мама имела опыт работы с лошадьми, т. к., будучи студенткой, подрабатывала на бегах в лаборатории ипподрома, где лошадей проверяли на наличие допинга. Она умела подходить к лошадям так, что они ее не боялись, и сама делала инъекции и отбирала пробы крови для определения титра. Лаборанты и конюхи высоко ценили это мамино умение и относились к ней с большим уважением. Конюхами были казахи. В знак

уважения они обращались к маме только в мужском роде: «Александр Романович!».

Мы пробыли в эвакуации ровно два года – от августа 1941 до августа 1943 г. – и благополучно вернулись в Москву.

Осенью 1943 г. к нам в Москву приехал мамин брат Леня после ранения. Он начал учиться в институте международных отношений и жил вместе с нами до конца войны. Сразу после победы он получил место в общежитии института и уехал от нас, т. к. ожидалось возвращение папы с фронта.

Вернувшись в Москву, мама на второй же день ушла из Института эпидемиологии и микробиологии и вернулась в свой старый институт. Шаксель умер незадолго до маминого возвращения, и лабораторию возглавлял проф. А. В. Румянцев, один из ведущих ученых в своей области, широко образованный интеллигентный человек. У мамы установилось с ним взаимопонимание и наметились перспективы ее научного роста. Однако этим планам не суждено было сбыться: А. В. Румянцев скоропостижно умер в конце 1947 г.

После окончания войны папа приехал в командировку из армии, еще не демобилизовавшись. Родители объявили нам с Паей, что решили расстаться. Папа уехал, а после его демобилизации в 1946 г. родители оформили разделение семьи. Мама рассчитывала, что после развода она будет отдавать свое время работе, а Пая будет заниматься мною и хозяйством. Но Пая умерла от быстротекущего рака в несчастном 1946 г.

Мама перешла в лабораторию одного из ученых Института – проф. А. Н. Студитского. Он занимался в то время проблемами восстановления тканей, очень актуальной во время и после войны тематикой, имеющей прямой выход в медицину. Мама, как специалист-физиолог, была очень нужна ему для организации комплексных исследований, сочетающих морфологические и физиологические подходы. Мама согласилась на предложение А. Н. Студитского и начала работать вместе с ним. Нужно сказать, что последующие несколько лет были самыми плодотворными для маминной работы. Она отдавала науке все свои силы: допоздна задерживалась в институте, дома сидела за книгами, ездила в командировки, где выступала с докладами на конференциях. Ей нравилась эта жизнь, и она считала, что сбылось все то, ради чего она вырывалась из Заречья и из провинциальной жизни.

Напряженная работа конца 40-х гг. принесла свои плоды. В 1951 г. работа завершилась изданием совместной монографии (А. Н. Студитский и А. Р. Стриганова «Восстановительные процессы в скелетной мускулатуре», Москва, Издво АН СССР, 1951). Книга получила широкие отклики и была выдвинута на Сталинскую премию. В 1952 г. за эту работу ее авторы были удостоены Сталинской премии. Это была высшая научная награда, которую мама и не ожидала. Радость победы сопровождалась поздравлениями, официальными чествованиями, банкетами, морем цветов.

Но праздник закончился и наступили будни. Мама собиралась продолжать эту работу и защитить докторскую диссертацию, в чем она видела логическое завершение этапа своих исследований. Она рассчитывала на поддержку своего соавтора и партнера по премии. Но ее надежды не оправдались. А. Н. Студитский не был заинтересован в продолжении физиологических работ в своей лаборатории. Он не чинил препятствий, но и не помогал маме в предоставлении технической помощи, получении нужного оборудования, подопытных животных и пр. Характер у мамы был эмоциональный, она боролась за свои интересы, и эта тяжелая ситуация, длившаяся несколько лет, кончилась тем, что мама была вынуждена уйти в другую лабораторию.

Мама очень нервничала, и в результате в 1956 г. у нее случился инфаркт, а через полгода – второй. Мама долго лежала в больнице Академии Наук, потом ее перевели в загородный стационар в Болшево, где она долечивалась на свежем воздухе, потом она отдыхала в санатории. В результате мама через год встала на ноги, но здоровье ее было расшатано, часто следовали сердечные спазмы. В таком состоянии она не могла продолжать работу и с 1 января 1958 г. вышла на пенсию.

На пенсии мама смогла отдохнуть и отвлечься от тяжелой обстановки на работе. Она стала лучше себя чувствовать и занималась подготовкой к переезду на новую квартиру. Состояние здоровья позволило маме вернуться и к научным де-

лам. Она оформила результаты своей работы за последние годы в виде монографии (А. Р. Стриганова «Реактивность и восстановительная способность денервированной мышцы на разных стадиях атрофии», Москва, Изд-во АН СССР, 1961 г.) и издала ее при поддержке директора института, который стал ответственным редактором этой книги.

Болезни преследовали маму. В 1961 г. у нее обнаружили злокачественную опухоль в кишечнике. Была сделана кардинальная операция с удалением части кишечника (по старой технологии). Мама стала инвалидом, но прожила после этого более 20 лет.

При всех ограничениях, которые накладывало на нее состояние здоровья, мама вела активный образ жизни. Она живо интересовалась искусством, музыкой, посещала концерты и театры, много читала, встречалась со своими друзьями. Мама вела дневник (который потом уничтожила), делала выписки из книг, которые ее как-то особенно волновали, собирала программки театров и концертов.

Она сохранила хорошие отношения со своими коллегами, и они иногда приходили к нам в гости, обсуждали институтские дела, что служило для мамы ниточкой связи с ее прежними интересами.

После ее операции мы начали снимать дачу, и мама ежегодно проводила лето в Кратове среди соснового леса. Мы снимали дачу у очень милых интеллигентных людей. Хозяйева жили на первом этаже, а мы – на втором, где была мансар-

да и открытая веранда. На этой веранде мама и писала свои воспоминания о былом.

Летом 1979 г. на даче у мамы случился сильный сердечный спазм. Врачи констатировали инфаркт. Мама лечилась в больнице и, выйдя оттуда, вернулась к прежнему образу жизни, хотя и не такому активному.

В последние два года она много болела, в начале 1983 г. у нее был микроинсульт. Маму поместили в больницу, где она скончалась 26 марта 1983 г. В соответствии с ее волей, ее прах был захоронен на Даниловском кладбище рядом с дедом Романом.

Мой папа

С папой я общалась только в детстве, в основном помню детские игры и разговоры и вспоминаю их с неясностью. В отрочестве после их развода с мамой отношения с папой стали формальными, во взрослом состоянии прекратились. А теперь я корю себя за эгоизм, черствость и глупость, которые помешали моему «взрослому» знакомству с папой. Были, конечно, разъединяющие обстоятельства в виде мамино-го нежелания наших встреч и папиного согласия на это, но это можно было бы обойти. Просто в молодости не думаешь, что что-то может уйти безвозвратно. Я буду писать о папиной жизни и судьбе по тому, что слышала в детстве от него и потом – от мамы, и не ручаюсь за достоверность дат.

Папа, Рафаил Исаакович Белкин, родился 31 мая 1894 г. в г. Никополе на Украине. Он происходил из еврейской местечковой семьи. Его отец Исаак Моисеевич имел в Никополе мастерскую головных уборов. Зарабатывал мало, семья жила на гроши, бабушка Мария Рафаиловна вела хозяйство. У них было трое детей – старшая дочь София и сыновья – Рафаил и Ефим.³

Рафаил был болезненный мальчик с некоторыми наруше-

³ Соня рано умерла от туберкулеза, младший сын Ефим учился в Харькове, он стал инженером по стеклу и работал сначала на Украине, а потом в Гусь-Хрустальном. Он был женат на очень милой тете Марусе, а детей у них не было.

ниями сердечной деятельности, которые доносили его всю жизнь. Он был очень способен к учебе, и бабушка Маня решила дать ему полное среднее образование и не заниматься работой, как было принято в бедных семьях. Соседи осуждали ее за то, что муж должен был один трудиться в поте лица, а старший сын рос барином. А папа мечтал быть врачом. Для евреев в царской России были закрыты дороги в университеты, и получать образование они могли только за границей. Папины сверстники из богатых семей собирались после школы уезжать в Швейцарию или Германию.

Окончив школу с отличием, папа уехал в Харьков, где жили бабушкины родственники. Там он поступил в фельдшерское училище, а чтобы существовать, начал работать в типографии наборщиком. Работа была ночная, а днем – учеба. Тут-то он попал в среду революционеров. Наборщики были, как правило, грамотными людьми, и в Харькове многие были связаны с марксистскими кружками, где изучали теорию революции. Папа состоял членом одного такого кружка. Он никогда не произносил никаких имен, но мама говорила, что этот кружок был очень авторитетен, и в 30-е гг. папу в партийных кругах рассматривали, как человека с высоким уровнем философского образования. Ему предлагали даже возглавить кафедру философии в медицинском институте, от чего он отказался.

Началась Гражданская война, и папа, имея на руках фельдшерский диплом, пошел работать в красноармейский

госпиталь. В 19–20 гг. он работал в госпитале на южном фронте в составе 14-й Красной армии. В 1919 г. вступил в партию. После войны папа пошел учиться в Военно-Медицинскую академию в Ленинграде. Академия объявила специальный набор для фельдшеров, имеющих опыт военной работы в период первой мировой и гражданской войн с ускоренным курсом подготовки военных врачей. После академии папа пошел в ординатуру 2-го Мединститута в Москве и после ординатуры остался там работать, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание профессора. Это был конец 20-х гг.

В этот период папа познакомился с мамой. Будучи партийным, папа занимал какой-то пост в ректорате института. К нему за помощью привели маму, которую «вычистили» из института за неправильное происхождение. Кто-то написал донос, хотя в это время дедушка Роман уже крестьянствовал в Заречье и числился крестьянином. Папа помог маме восстановиться.⁴ После этого у них начался роман, и в 30-м г. они поженились.

Уже после женитьбы у папы был период увлечения освоением Арктики, которым тогда руководил О. Ю. Шмидт. Папа дружил со Шмидтом и напросился поработать судовым врачом в экспедициях на кораблях. Он участвовал в двух

⁴ Когда маму восстанавливали, секретарь дал ей прочитать донос и спросил, знает ли она почерк? Мама узнала почерк Дяди Васи с характерными для него росчерками, хотя донос был анонимный.

экспедициях на ледоколе «Георгий Седов». Одна на Землю Франца-Иосифа, где они искали и нашли следы экспедиции Амундсена; вторая – выход в Северный Ледовитый океан для изучения ледовой обстановки.

Перед моим рождением папа стал директором Института морфогенеза, кроме того, он был ученым секретарем одного из ведущих биологических журналов «Успехи современной биологии». Много времени у него отнимала партийная нагрузка: он был членом пленума райкома и часто выступал с политическими докладами.

В 1932 г. папа получил грант Рокфеллерского фонда на двухгодичную поездку за границу для работы в ведущих биологических институтах. Он выбрал Институт экспериментальной биологии в Иене (Германия). Институт был создан выдающимся ученым своего времени Эрнстом Геккелем, а после его смерти институт возглавлял ученик Геккеля проф. Ю. Шаксель. Там разрабатывались актуальные проблемы биологии развития, которыми папа занимался и раньше и которые могли иметь практическое значение в медицине. Мама не поехала с ним, потому что я только что родилась, а няню нельзя было брать с собой; и мама не рискнула ехать с грудным ребенком.

В 1933 г. в Германии к власти пришел Гитлер, который ненавидел Шакселя за его антифашистские выступления на студенческих митингах в Иене и обещал его расстрелять. В ночь захвата власти фашистами в Иене Шаксель с женой бе-

жал: он уехал на своей машине в Швейцарию. На следующее утро все сотрудники его института были арестованы, в том числе и мой папа. Папу, как иностранного подданного, быстро выпустили с условием, что в течение суток он покинет пределы Германии. Папа уехал в Цюрих и в Швейцарии и Франции заканчивал свою стажировку.⁵

После возвращения папы из-за границы, в биологическом сообществе ученых Москвы и Ленинграда было беспокойно: возникали дискуссии, в центре которых были проблемы генетики и наследственности. Это касалось непосредственно и папиных исследований, в том числе работ, начатых в Европе.

В 1937 г., на волне репрессий у папы в институте арестовали несколько сотрудников, ему вынесли выговор по партийной линии, и на него начали писать доносы. Это стоило ему сердечного приступа, но пока все обходилось, и папа решил «лечь на дно». Он оставил директорство в институте по причине нездоровья, долго был на бюллетене и потом уехал долечиваться в санаторий. После выздоровления он перешел на работу в Центральный институт эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава СССР старшим научным сотрудником. Вместе с ним ушли два аспиранта, и у папы образовалась группа, работавшая до начала войны.

⁵ Шаксель был видным ученым-биологом, и 3 страны предложили ему убежище и гражданство – США, Франция и СССР. Папа получил задание из Москвы склонить Шакселя приехать в СССР, и ему это удалось. Шаксель приехал в Москву, и для него создали специальную лабораторию. Он скончался в 1943 г., в Подмосковном санатории «Узкое» для ученых.

Во время войны в 1941 г. папа, как и другие ведущие сотрудники института, занимался эвакуацией медицинских организаций. В 1942 г. он уехал на фронт и работал в полевом госпитале в составе 48-й армии Центрального фронта. Их часть формировалась под Орлом, откуда была направлена на Курскую дугу. Папа был дважды ранен на Курской дуге. После ранений работал в эвакогоспитале на I Украинском фронте, которым командовал маршал Конев. Папа был начальником научного отдела госпиталя, во время войны разработал метод стимуляции образования «раневых гормонов» в человеческом организме, обеспечивающих ускорение заживления ран. За это получил орден Отечественной войны II степени в 1944 г. Заканчивал папа войну в Линце (Австрия), демобилизовался в конце 1946 г. После войны папа с мамой разошлись по маминой инициативе, и он стал жить отдельно.

Папа устроился сначала работать в издательстве Медгиз и занимался подготовкой большого многотомного издания трудов советских врачей во время войны. Туда вошел и разработанный папой и внедренный в практику госпитальной медицины метод стимуляции восстановления тканей после ранения.

Государственный антисемитизм и послевоенная борьба «с космополитизмом», затронувшая широкие круги нашего общества, в первую очередь интеллигенции, сыграли свою роль и в папиной судьбе. Он остался в какой-то момент без рабо-

ты, потом его приняли на работу в Институт истории естествознания Академии Наук. Этот институт, созданный С. И. Вавиловым, не закрывал свои двери перед учеными «нетитульной национальности». Там папа занимался трудами И. И. Мечникова и написал монографию о его жизни и деятельности.

После войны папа много болел: у него был сначала инфаркт, потом инсульт. Внутриполитические тенденции в нашей послевоенной жизни, инициированные Сталиным, больно отзывались на нем и на тех, кто участвовал в создании научных и культурных ценностей, защищал родину во время войны. Папа всегда отказывался обсуждать со мной эти вопросы. Думаю, что не потому, что боялся, просто из гордости не хотел жаловаться на судьбу.

Оставшись один, папа пригласил к себе медсестру, которая работала с ним в госпитале, и женился на ней. Она преданно за ним ухаживала до конца его жизни. Папа скончался 22 мая 1964 г., не дожив 10 дней до своего 70-летия. Он умер во время несложной операции по удалению желчного пузыря – сердце не выдержало. Похоронен на кладбище в Никольском. Я не была на его похоронах, т. к. находилась в экспедиции и узнала о его кончине месяц спустя.

Бабушка Маня дожила до 99 лет на попечении младшего сына Ефима. Остальные папины родственники – его двоюродные братья с семьями, жившие в Харькове, погибли в холокосте во время войны. У меня никого не осталось из род-

ственников с папиной стороны.

Моя няня

Моя няня Пая приняла меня на руки у входа родильного дома и с той минуты она стала самым близким для меня человеком, с которым прошло мое детство. Разлучила нас ее смерть от рака. Пая рано ушла из жизни в 54 года, и до сих пор я чувствую, как не хватало мне в жизни ее присутствия, участия и совета, а главное – ее любви. У Паи была непростая и несчастливая судьба, которую ломали войны и революции. Но она сохранила способность сострадать и любить.

Пая – это детское прозвище, которое я дала ей, как только научилась говорить и не умела произносить многих букв алфавита. Ее звали на самом деле Прасковья Васильевна Софронова. Она родилась в 1892 г. (на 10 лет старше мамы) в бедной крестьянской семье Старицкого уезда. Семья осталась без кормильца, и Паю девочкой забрали богатые родственники – старицкие купцы Арбузовы. Купеческая семья была большая, разветвленная; один из ее представителей стал священнослужителем и был назначен полковым священником в военную часть, размещенную в Гельсингфорсе. Пая уехала с семьей священника в Финляндию, где была на положении воспитанницы. Ее одевали, как барышню, она умела носить корсет и не выходила из дома без шляпки и перчаток. В школе научилась грамоте и помогала матушке воспитывать детей и покупать провизию, выучив начат-

ки финского языка. Пая вспоминала Финляндию, как самую счастливую полосу своей жизни. Когда она повзрослела, нашелся ей жених из солдат, и они планировали пожениться, когда он отслужит свой срок. Но началась первая мировая война, жених ушел на фронт, сначала они переписывались, потом потеряли друг друга.

Священник увез свою семью в Ревель и после революции эмигрировал. Пая переехала в Москву к его сестре Маше Арбузовой, которая к тому времени вышла замуж на богатого купца Епанечникова, тоже старицких корней. Сергей Григорьевич Епанечников имел в Москве мебельную мастерскую и магазин на 2-й Тверской-Ямской около собора Александра Невского. Семья жила в двухэтажном доме, где Пая стала экономкой.

После революции Епанечниковы лишились всего состояния. За домом, в сарае, хозяин, будучи хорошим мастером-краснодеревщиком, устроил мебельную мастерскую: жить как-то можно было, особенно в период НЭПа. Но власть не дремала и требовала «уплотнения» населения домов. Хитрый Епанечников решил «самоуплотниться» и пригласил к себе в дом жить двух студенток-медичек из хороших семей, знакомых по Старице. Так в этом доме появились две Шуры – Шура Шахаева и Шура Стриганова, моя мама. Девочки подружились с семьей Епанечниковых и прожили вместе несколько лет. А потом дом определили к сносу. В это время Епанечниковы и Пая получили от государства по

комнате в коммуналках в том же районе. Шура Стриганова, которая одновременно училась и работала, получила комнату в коммунальной квартире в Крестовоздвиженском переулке (сразу за Арбатской площадью, направо). А Шура Шахаева уехала к родителям в Старицу.

Когда моя мама вышла замуж, она пригласила Паю жить вместе и вести хозяйство. Пая согласилась, и с тех пор стала членом нашей семьи. Был, правда, период, когда мы временно расстались с ней. На улице Пая неожиданно встретила своего бывшего жениха. Он стал инженером, женился, имел двоих детей, жил в Ленинграде. Встреча взволновала обоих. Его брак был неудачен и тяготил его, поэтому он предложил Пая соединить судьбы и начать жизнь сначала. Но Пая отказалась строить свою жизнь на чужом горе, так она вслух сказала.

Мне в то время уже было 5 лет. Пая стала тяготиться своим положением няни, зависимым от «хозяев», считая, что это мешает ей устроить свою собственную судьбу. На семейном совете было решено отпустить Паю, и нанять домработницу. Папа устроил Паю нянечкой в институт Склифосовского, в хирургическое отделение. Пая вскоре закончила курсы медсестер и стала помогать в приемном покое, как медсестра. Она часто навещала нас и рассказывала мне о разных случаях из своей практики. Через полтора года она решила вернуться к нам. Что было истинной причиной этому – не знаю. За это время у нас сменилось две домработницы, и

вторая меня очень донимала. Пая сказала, что не может видеть меня такой замарашкой и вернулась к нам к моей несказанной радости и счастью родителей. Однако Пая соблюдала некоторую автономность. Она уезжала ночевать к себе домой и рано утром приходила к нам. Вечерами в своей комнате она читала классику и кое-что рассказывала мне. Именно от нее я узнала историю Анны Карениной, естественно с необходимыми купюрами для моего возраста.

Во время войны Пая осталась в Москве. Ее мобилизовали на трудовой фронт: она сначала копала окопы, потом работала на комбинате Микояна, в цехе, производившем суфле для армии. Пая работала сутки через 2 дня на третий. После нашего возвращения из эвакуации, свободные дни она проводила у нас. Отпустили ее с комбината только после победы. В 1946 г. у нее открылся рак пищевода. Папа устроил ей лечение химиотерапией в той примитивной форме, которая существовала в то время, и то – для избранных. Но все было напрасно, и Пая ушла от нас 15 ноября 1946 г. Похоронена на Ваганьковском кладбище в колумбарии. Светлая ей память!

Детство

Себя в окружающем мире я осознала в 2 года. Это случилось летом на даче в Останкино, где мы с Паей жили ли в маленьком деревянном домике. Родители приезжали к нам после работы. В тот год папа купил фотоаппарат Кодак со стеклянными негативами и увлекался фотосъемкой. Однажды родители приехали рано и разбудили меня после дневного сна, чтобы сфотографировать. Открыв глаза, я увидела сначала солнечный луч, внутри которого танцевали пылинки, потом папу у окна, который «целился» на меня фотоаппаратом, рядом с ним – маму, которая говорила: «смотри, смотри, сейчас вылетит птичка!». В отдалении за столом сидела Пая. И все смеялись. Фотография (конечно, я – на горшке) сохранилась, и эта сцена запечатлелась в памяти.

Детство у меня связано с Паей. С детьми я играла только во время прогулок, а домой ко мне никто не приходил, наверное потому, что я часто болела. Пая проводила много времени на кухне, и вся квартира была в моем распоряжении. Самая большая и светлая комната – спальня. Там стояла родительская кровать с металлическими шарами, славянский шкаф, моя кроватка и кушетка а ля мадам Рекамье. На кушетке спала Пая, когда оставалась ночевать. В эти дни папа высылался в свой кабинет на диван. На полу спальни лежала шкура белого медведя, привезенная папой с севера.

Папин кабинет в дальней комнате был уставлен шкафами с книгами до потолка. Книги не помещались в шкафы и лежали стопками на полу и на стульях. Папа был библиофил и собирал книги по трем направлениям – биологию, историю и современную художественную литературу, а русская и европейская классика у него была собрана еще в молодые годы. Папа любил также антикварную бронзу и покупал ее, насколько позволяли наши средства. В комнатах висели старинные люстры и стояли красивые настольные лампы с бронзовыми фигурами. Мне особенно нравилась лампа, которую папа подарил маме: четыре бронзовых амура на мраморной подставке держат абажур. На книжных шкафах стояли бронзовые и мраморные скульптуры. Помню охотника с ружьем, бронзовую лошадь и квадригу из белого мрамора, запряженную в колесницу, которой управлял Аполлон. Во время генеральных уборок фигуры снимались со шкафов, и мне доверяли стирать пыль с квадриги, что я очень ценила. Средняя комната служила столовой, в которой стоял дубовый складной стол (мамино приданое от Епанечникова) на 20 персон, а также мамин письменный стол и сундук, окованный зелеными железными листами. В него на лето складывали зимние вещи. Сундук, покрытый ковром, служил для моих игр в куклы. В доме зимой было прохладно, и дуло в ноги.

Пая приезжала к нам очень рано и сразу уходила в лавку за керосином. Готовили на двух керосинках, но в доме лишний керосин не держали – боялись пожара. Потом поднима-

лись мы с мамой. Мама наскоро завтракала и убегала на работу. Папа вставал позже и долго брился. Я очень любила смотреть, как он взбивает пену, в хорошем настроении он при этом мазал пеной мой нос.

Будучи «одиноким ребенком», я умела себя занять играми, источником которых были рассказы родителей, а также мой собственный жизненный опыт. Я любила путешествовать на север и охотиться на медведей. Поскольку я часто болела, наиболее яркие впечатления оставались у меня от врачей и лечения. Поэтому я лечила всех своих кукол от тех болезней, которыми болела сама. Однажды я отморозила щеки, и мне по рецепту сделали специальную мазь, чтобы защищать щеки на улице. Когда Пая была на кухне, я измазала всю мазь на старые дырявые валенки, чтобы их вылечить.

Мы с Паей гуляли дважды в день. Утром – в компании моих сверстников мы играли в штандер, в прыгалку, в классики, или катались на санках и на лыжах, а няни и бабушки разговаривали на скамеечке. После обеда мы с Паей снова выходили, нередко по хозяйственным делам. Пая многое покупала на Арбатском рынке, куда я очень любила ходить. Я любовалась красивыми грудками овощей и яблок на прилавках и молочницами в молочном ряду. Все продавщицы были в белых нарукавниках и отмеривали молоко алюминиевыми кружками. Зимой кружки покрывались инеем, и молоко на краях застывало, как мороженое.

Когда мне прочитали сказку о купце Калашникове, я во-

ображала, что лавка его была не в Охотном ряду, а здесь на Арбатском рынке. Даже искала взглядом его лавку, которую купец должен был перед вечером закрывать большим висячим замком. А когда над рынком опускались сумерки, и небо окрашивалось розовой полоской, мне казалось, что именно завтра состоится его бой с Кирибеевичем на Москве-реке из-за красавицы Алены Дмитриевны. Сердце наполнялось тревогой, и хотелось переписать эту историю.

У моих родителей было много друзей и просто знакомых. Почти каждый день кто-то заходил, иногда просто, чтобы поговорить. Телефонов в те времена было мало, а наш дом стоял на перекрестке многих дорог. Кроме того, к папе приходили люди по журнальным делам, и он беседовал с авторами дома, в вечернее время. У нас в доме бывали немецкие ученые, эмигрировавшие в СССР от фашизма. В Москве создался круг научной эмиграции, с которым мои родители поддерживали хорошие отношения.⁶ После ухода гостей папа занимался до позднего часа, и мне было запрещено вхо-

⁶ Во время войны у многих эмигрантов поломалась жизнь. Немцев (кроме Шакселя) отправили в ссылку на Полярный Урал и в Караганду. Некоторые погибли, достаточно счастливо сложилась судьба только у Георга Шнейдера. Его вызвали в Москву и предложили работать на немецком радио. Он согласился и поехал на фронт. Это было в 1943 г., когда мы уже вернулись из эвакуации, и Шнейдер приходил к нам на Арбат. После окончания войны он вернулся в родную Иену и начал работать в Институте экспериментальной биологии, где был сотрудником до 1933 г. В 60-х гг. его отправили в Москву в качестве атташе по науке и культуре посольства ГДР. Мы снова виделись, а в 1966 г. он погиб в автокатастрофе в Иене.

дить в его кабинет.

Иногда в выходные дни к нам приходила в гости бабушка Маня. Это была тихая маленькая женщина, всегда закутанная в большую шаль. Она жила в своей квартире на Смоленской площади с внучкой Эсфирью, дочерью рано умершей Сони, папиной сестры. Бабушка хорошо готовила и обычно приносила какие-нибудь гостинцы, которые встречались нами с радостью. В отсутствие Паи бабушку Маню просили посидеть со мной, и я любила оставаться с ней, так как, в отличие от родителей, она умела включаться в мои игры и серьезно относилась к той или иной роли, которая ей предлагалась. Папа и мама никогда не играли со мной и даже не понимали, что такое игра. Например, я переворачивала пару стульев вверх ножками и говорила папе:

– Давай поплывем на ледоколе в Арктику. Он с готовностью отвечал:

– Давай поплывем, только поставь стулья на место.

Ну как можно играть с ними после этого! Приходилось разыгрывать сцены в одиночку (*Приложение: «Четыре с половиной»*).

Пришла пора учить меня чему-нибудь. Первым встал вопрос о музыке. Мама решила сначала проверить мои музыкальные способности, прежде чем покупать инструмент. Меня показали преподавательнице музыки, которая сказала, что у меня отсутствует музыкальный слух. Тогда родители решили обучать меня иностранным языкам, а в области

музыкальной – воспитать из меня «грамотного слушателя». Был куплен абонемент в Консерваторию на детские утренники, куда мы ходили с папой по выходным дням.

Я очень жалею, что меня не учили игре на фортепьяно. Слух развивается, если над этим работать. Уже в эвакуации я это поняла. В нашем общежитии для эвакуированных стояло расстроенное пианино, и одна добрая женщина (из неработающих членов семьи) соглашалась заниматься с детьми. Я брала у нее уроки, выучила гаммы и простенькие пьески. В конце концов, пианино приказало долго жить, и мое музыкальное образование на этом закончилось.

В 6 лет меня определили в частный немецкий детский сад, который я посещала в течение двух лет до школы. Там мы учились говорить по-немецки на бытовые темы – за обедом и во время прогулок, а на специальных занятиях по языку устно осваивали грамматические премудрости. В конце дня, когда мы уставали, нам читали немецкие сказки. Мне особенно запомнилась одна сказка про горного духа Rübzahl. Этот дух Богемских гор (из старонемецких сказок) поднимался с туманом из долин и превращался в великана, которого все боялись. Но он делал только добрые дела, спасал людей от опасности и исчезал вместе с утренней зарей. Только в самое последнее время мне удалось установить, откуда взялась эта сказка: дух жил в Марианских Лазнях.

Весной в конце учебного года руководительница устраивала концерты для родителей, в которых мы выступали в

костюмах, с немецкими диалогами или песенками. Мне досталась роль говорящей куклы, которую я с удовольствием изображала в пышном белом платье, специально сшитом для такого случая.

Мама и Пая были заядлые курильщицы; мама курила Беломорканал, а Пая – Норд. Папа не курил и не пил спиртное из-за сердца. Все шутили по этому поводу. Вечерами, когда папа уходил в кабинет заниматься, мама шла на кухню, и они с Паей дымили папиросами, пили крепкий чай и разговаривали по душам. Мама не допускала, чтобы в комнатах пахло дымом. Если я появлялась на кухне, меня выпроваживали в комнаты. После этих посиделок Пая уезжала домой, а мама начинала меня умывать на ночь и укладывать спать.

Мама взяла себе за правило провожать меня ко сну. Это было длинное действие, которое нравилось нам обеим. После умывания и переодевания в пижаму на кухне, где было теплее всего, мама несла меня на руках в спальню и укладывала в постель. Она садилась рядом и что-нибудь рассказывала, пока я не засыпала. Позже мама читала мне книжки. Когда я научилась читать сама, то мама читала мне какой-нибудь текст и останавливалась на интересном месте, говоря: уже поздно, завтра ты сама дочитаешь. А читать я любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.